

В.Д. ЧЕРНЯК,
заведующая кафедрой
русского языка
РГПУ им. А.И. Герцена

М.Я. ДЫМАРСКИЙ,
профессор кафедры
русского языка
РГПУ им. А.И. Герцена

В.А. ЕФРЕМОВ,
профессор кафедры
русского языка
РГПУ им. А.И. Герцена

Чему мы учим?

Ответ на этот вопрос может быть очень простым: кафедра русского языка учит русскому языку, культуре речи, риторике и многим другим лингвистическим дисциплинам. Он может быть и очень сложным, поскольку сложна и многообразна наша аудитория. Студентов всех факультетов и институтов Герценовского университета мы учим, прежде всего, правильно, аргументированно, эстетически выразительно формулировать свои мысли с учетом ситуации общения (устная и письменная речь, самовыражение в творческой работе в различных сферах и строгая научная речь, официальное общение и неформальный разговор с детьми). Это важнейшая профессиональная компетенция будущего педагога; при этом, конечно, названные дисциплины на разных факультетах реализуются по-разному. Но для всех без исключения важно умение пользоваться словарями – главными помощниками и советчиками учителя.

На филологическом факультете к названным универсальным задачам добавляются особые. Будущих словесников важно заинтересовать лингвистикой – интереснейшей и очень современной наукой. Каждый студент может в различных ее разделах (или в самостоятельных науках, объединенных родовым понятием «лингвистика») найти пространство для индивидуального развития и творчества. Именно поэтому в жанре выпускных квалификационных работ (и бакалаврских, и магистерских), всегда связанных с актуальными научными направлениями, студенты нередко приходят к интересным научным находкам.

Какого ждем результата?

Мы ждем грамотных выпускников, которые не попадут в неловкую ситуацию, когда умный ученик будет исправлять молодого учителя; ждем выпускников, которые будут ответственно относиться к любому сказанному и написанному своему слову и с пониманием (а в ряде случаев – с умелой и доброжелательной критикой) к слову чужому. Ждем (и стараемся этому научить), что наши студенты будут вдумчивыми читателями как классической, так и современной литературы, умеющими видеть, понимать, объяснять связь формы текста и его содержания. Ждем, что наши студенты будут заботиться не только об экологии окружающей среды, но и об экологии родного языка, то есть, не становясь ограниченными пуристами, будут защищать язык от словесного мусора; будут беречь от ухода в небывшие элементы языка, которые иногда кажутся устаревшими и ненужными современному человеку, но без которых могут повредиться нити культурной памяти.

Эти ожидания и связанные с ними педагогические задачи, конечно, будут перестраиваться в связи с бурно меняющимся временем. Очень хочется, чтобы наблюдаемые сегодня формализация учебного процесса, попытки заменить вдумчивого и чувствующего аудиторию преподавателя безличными дидактическими материалами, дистанционными программами, электронными курсами не уничтожили живую триаду «язык – учитель – ученик», в которой все компоненты взаимозависимы и дополняют друг друга.

В основе наших программ – стремление к фундаментальному профессиональному образованию. Мы исходим из того, что учитель, прежде всего, должен быть хорошим специалистом по своему предмету. Сколькими бы педагогическими «технологиями», как теперь принято говорить, будущий педагог ни владел – если он слабо ориентируется в своем предмете, хорошим учителем он никогда не станет. Поэтому мы сохраняем, хоть это и нелегко, в наших учебных планах классические курсы введения в языкознание, истории языка, современного русского языка, стилистики. В то же время мы стремимся предлагать студентам возможность подготовки по направлениям, которые особенно востребованы сегодня (и о которых десять–двадцать лет назад никто не слышал): таков, например, модуль «Редактирование и лингвистическая экспертиза текста».

Идеальный результат, на который мы рассчитываем в конце обучения – возможность говорить со студентом на выпускном экзамене как с коллегой. Пусть младшим коллегой, но все же обладающим необходимой базой знаний для профессионального разговора. В этом случае можно быть уверенным, что кем бы ни стал в дальнейшем наш выпускник – учителем, методистом, редактором, экспертом, менеджером в сфере образования и так далее, – он будет классным, востребованным специалистом. Насколько реальность приближается к этому идеалу? В каждом выпуске есть студенты, общение с которыми приносит подлинное удовлетворение. Приятно знать, что многие наши выпускники, которых я помню (а перед моими глазами прошло не менее 30 выпусков), стали прекрасными, известными учителями, методистами, учеными, работающими не только в Петербурге, но и в самых разных уголках России.

Чему мы собираемся учить в ближайшие 10 лет? В основном – тому же, чему и всегда, потому что без фундаментальной базы образования не бывает. Но, без сомнения, будем создавать и новые модули и дисциплины, включая в них новые достижения лингвистической науки и стремясь отвечать требованиям времени.

Недавно в русских социальных сетях появился перевод очередной большой статьи профессора Колумбийского университета Шелдона Поллока «Почему умирают гуманитарные науки...» о том, что на наших глазах по всему миру исчезает классическая (в смысле академическая, а не только древних языков) филология, так как ее востребованность современным техноцентрическим обществом не очень понятна. Думаю, что американский исследователь все же немного сгущает краски. Во всяком случае, уверен, что знания, которые современные студенты могут получить на филологическом факультете Герценовского университета, в случае отличного ими овладения позволяют наметить весьма широкий спектр будущей профессиональной реализации: от классической и всегда востребованной, нужной и социально значимой работы учителем-словесником в школе до редакторской и лингвоэкспертной деятельности. Собственно, тем и хорош филфак РГПУ им. А.И. Герцена, что на нем на базе качественного филологического образования русиста можно достаточно хорошо освоить навыки и умения, определяющие редакторскую деятельность, комментирование художественного текста, лингвистическое консультирование и лингвистические экспертизы. И это только направления, связанные с русским языком как таковым! А есть ведь еще и преподавание русского языка как неродного, сильная школа литературоведения (в том числе и сопоставительного), кафедра образовательных технологий в филологии.

Думаю, что в перспективе филологическое образование все больше и больше будет двигаться в сторону практической направленности. Все больше будут востребованы разнообразные аспекты взаимоотношения языка и общества (от воздействия рекламных текстов до теории коммуникации) или человеческого языка и информационных технологий (специфика интернет-коммуникации, лингвокогнитивные трансформации языковой личности под влиянием текстинга и Интернета и т.д.). Думаю, что хорошим направлением может стать обучение студентов основам популяризации научных знаний, в том числе и русистики. Неслучайно же университет ИТМО недавно открыл первую в России магистратуру по научной коммуникации. Знания о том, как правильно доносить научную информацию до любого адресата, как строить научные и научно-популярные лекции и как писать научно-популярные статьи – это, как представляется, важные навыки и умения образованного гуманитария. Более того, появление в России таких интересных и нужных проектов, как «Тотальный диктант», «Живая классика» и т.д. – проектов, связанных с русским языком и русской филологией, – лишний раз подтверждают наличие в современном российском обществе все возраста-

ющего запроса на знания о русском языке и русской культуре. Однако важно понимать, что такого рода практическая филология должна опираться на основательный фундамент теоретических знаний, что, к сожалению, не всегда удается заложить в рамках современных учебных планов. Закончу рассуждения о будущем университетской филологии мыслью того же Ш. Поллока: «Быть может, силами классической филологии душу и не спасти, но некоторой части человечества она была бы крайне полезна».

Уже более двадцати лет существует познавательная программа на Радио России «Как это по-русски», в которой я принимаю участие в качестве соведущего с 2004 года. Аудитория ее – особая, требовательная, специфичная. Я долгое время вообще думал, что это программа для тех, «кому за», потому что в прямой эфир она выходит в девять вечера – не самое удобное время для молодежи или работающих допоздна представителей среднего класса. Но в последнее время появляется много молодых голосов, что мне очень нравится. Мне кажется, что сейчас осталось не так уж много радиопрограмм, в которых ведут беседы о по-настоящему интересных вещах. Ведь и само радио движется в сторону развлечения.

А список вопросов за эти десять лет принципиально не изменился. Нашего человека интересует, откуда и как произошли фразеологизмы, поэтому что это ведь, и правда, не всегда понятно – «ни зги не видно», «сбиться с панталыку». Второй по популярности блок вопросов касается этимологии бранных слов. Очень часто интересуются проблемами нарушения грамматических связей слов в предложении. И вот по этим вопросам радиослушателей мы можем диагностировать то, что происходит в языке. Часто задают вопросы по синтаксису, про невозможные конструкции типа «думать то, что» и им подобные.

У современника есть четко сформированное отторжение канцелярита – языка официально-деловых бумаг, используемого в устной речи. Например, нам периодически задают вопрос: почему люди, выступая с трибун, говорят «я хотел бы вам пожелать»? Почему не просто «я желаю»? В этикетных клишированных фразах, которые давно существуют в русском языке, современник уже слышит фальшь. Он воспринимает язык чинуш как попытку его обмануть. Мне кажется, что ухо русского человека настроено на родной язык. Носители языка слышат: что-то в нем происходит. Люди часто беспокоятся по поводу родного языка, культуры речи журналистов и прочих медийных лиц – и это не может не радовать.